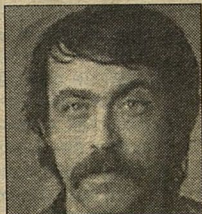

ЗАДАЧНИК

Свое двадцатилетие студия "Театр" отметила по-студийному. Импровизированный концерт, в котором угадывались-узнавались этапы долгого творческого пути; импровизированный стол, вокруг которого толпились заглянувшие на огонек, приехавшие и после собственных спектаклей актеры других театров. Обычное внутритеатральное празднество, отличное лишь безусловной чистотой жанра — без официальных представителей руководящих органов, без уверенных в себе и своем кошельке нуворишей. Собрание артистов, которых привлекает творчество само по себе — и ничего более.

Среди немногих уцелевших студия Алексея Левинского выделяется отрешенностью, отъединенностью от общих выражений — лица, фигуры или чего другого. Стандартный путь: из подвалов в небытие или к официальному признанию со всеми сопутствующими атрибутами — вроде бы и не для нее и не для ее руководителя. К нему и международное признание пришло как бы помимо и вне отечественного: и постановки в Австрии и Чехии, и семинары и мастер-классы в Англии, и международный проект в Америке. На родине был, правда, случай, когда

Название не самое удачное — не только потому, что на московской афише есть похожие обозначения. Но потому, что, занимаясь только и исключительно театром, решая, казалось бы, абсолютно внутренние проблемы, студия каждый раз оказывается первооткрывателем, чьи достижения выходят далеко за рамки, собственно, подмостков. Так было и с "Гамлетом", от которого ведет "Театр" свой отсчет, и с абсурдистами, которых так ценит режиссер ("В ожидании Годо" остается до сих пор лучшим воплощением на столичной сцене), и с "Трехгрошовой оперой", появившейся задолго до недавнего бума вокруг этой пьесы.

Непризнанный шедевр

Вот и в новом спектакле соединено, казалось бы, трудносопоставимое: три маленькие пьесы Беккета с поэмой Пушкина. Отдавая должное чистоте и внятности первой части, нельзя не восхититься воплощением "Анджелло", которого до сих пор не случалось видеть на сцене. Хотя в связи с предстоящим юбилеем можно ожидать волны интерпретаций пушкинских текстов, все же работа "Театра" предсказуемо неповторима.

Эксперимент почти стерилен. Отсутствие специальных костюмов — не то своя, не то репетиционная одежда, главное удобство которой в неестественности движений. А если проглядывает намек на историзм или образ, то чаще всего ироничный, вроде готовящейся принять постриг Изабеллы в брюках. Реквизит тоже будто случаен, наскоро взят из подходящего, но из шляпной болванки и палки вдруг возникает угрожающе-смешной признак головы казненного. Столь же скудна обстановка, где самый солидный предмет — щит, который кладется на козлы: но когда с двух его сторон усаживаются Изабелла и ее осужденный брат, ощущение тюремного свидания непреложно. И любая малость обыгрывается полно и точно, оставляя впечатление единственно возможного.

Поскольку главным остается союз режиссера и его актера — как и во всех спектаклях студии. Почти как завещал классик — только выходят не два актера, а пять, и вместо коврика все же ощутим создатель единой творческой воли. Которой каждый из исполнителей подчиняется с охотой и удовольствием.

Дук Тараса Барабаша — с печальными глазами, который знает, что история будет иметь счастливый конец, но — лишь в мире фантазии. Изабелла, героиня без страха и упрека у Жан-Поль Сартра, почти с комсомольской страстностью отвергающая единственное средство спасения брата — и тут же не могущая сдержать родственных к нему чувств. Брат, Клавдио, у Владимира Федоричева, классический молодой человек, чья любовь к невесте увлекла его к естественному, но запрещенному законом делу, — он вдруг обнаруживает в своем гонителе совершенно родственную душу — ведь Андже-ло тоже готов преступить кодекс из-за страсти. И сам Андже-ло Павла Подолова, хмурый и надменный, и в самом деле готов принять свою прихоть за дело государственной важности, что вовремя разоблачает его настоящая супруга Мариана — столь у Арины Кирсановой счастливая возможностью исправить-спасти любимого мужа.

группа солидного стационара избрала его своим художественным руководителем, но — неисповедимыми театральными-бюрократическими путями решение кем-то отменилось.

Может быть, к лучшему для Левинского (хотя к явному убытку Ермоловского центра) — сегодняшнее положение руководителя театра оставляет слишком мало пространства для, собственно, дела, для постановки спектаклей. Бесконечные заботы о занятости актеров, публике, не говоря уже о ставших кошмаром проблемах материальных, — все говорит о том, что структура театра если и изменилась, то только к худшему.

Точно так же — и с его студией: как была она обочинной и бездомной, так и осталась. Сейчас, к счастью, играет на Малой сцене театра "ОКОЛО дома Станиславского", у такого же неуемного экспериментатора Юрия Погребничко (тому, впрочем, везет больше — и в Эдинбурге первенствовал, и в круг "Золотой маски" попал). Но сторонность от "магистральных линий" в прошлом и отделенность от модных тусовок в нынешнем означает лишь сосредоточенность на том, что в новой премьере, которую студия преподнесла себе самой и публике в подарок, обозначено просто — "Игра".

А над всеми — светлая авторская усмешка, пушкинская легкость — стих его и стиль не столько выдержан, сколь вдохновителен.

"Театр не устарел, устарела его организация" — по счастью, второе к "Театру" не относится.

Геннадий ДЕМИН

Экран и сцена — 1998. — апр. (№14) —

7 страница